

**ЖАК БЕРЖЬЕ
ЛУИ ПОВЕЛЬ**

УТРО МАГОВ

**ПОСВЯЩЕНИЕ
В ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РЕАЛИЗМ**

Луи Повель

**Утро магов. Посвящение в
фантастический реализм**

«Алисторус»

1960

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

Повель Л.

Утро магов. Посвящение в фантастический реализм /
Л. Повель — «Алисторус», 1960

ISBN 978-5-907351-13-4

Эта удивительная книга известна давно... Древние цивилизации и реалии XX века. Черный Орден СС и розенкрейцеры, горы Тибета и джунгли Америки, гениальные прозрения и фантастические мистификации, алхимия, бессмертие и перспективы человечества. Великие Посвященные и Антлантида, – со всем этим вы встретитесь, открыв книгу. Не будет преувеличением сказать, что «Утро магов» выдержала самое главное испытание – испытание временем. В своем жанре это – уже классика, так же, как и классическим стал подход авторов: видение Мира, этого нашего мира, – через удивительное, сквозь призму «фантастического реализма». И кто знает, что сможете увидеть вы... «Мы старались открыть читателю как можно больше дверей, и, т. к. большая их часть открывается вовнутрь, мы просто отошли в сторону, чтобы дать ему пройти»... В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-907351-13-4

© Повель Л., 1960
© Алисторус, 1960

Содержание

От издательства	5
Предисловие	6
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	19
Часть вторая	22
Глава 3	22
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

ЖакБержье, Луи Повель

Утро магов. Посвящение в фантастический реализм

От издательства

Луи Повель, родившийся в Париже в августе 1920 г., – журналист, одновременно писавший романы и эссе. В 1961 г. он организовал издательство и журнал «Планета». Совместно с группой исследователей и ученых он руководил изданием «Энциклопедии планет». Умер в январе 1997 г.

Жак Бержье (фр. Jacques Bergier, настоящее имя Яков Михайлович Бергер) родился в августе 1912 года в Одессе, в еврейской семье бакалейщика Михаила Бергера и бывшей революционерки Этли Кременицкой. Жак Бержье утверждал, что он кузен известного физика Георгия Гамова и некоего Анатолия, участника группы, приводившей в исполнение приказ о расстреле царской семьи в Екатеринбурге.

В 1920 году из-за погромов в Гражданскую войну семья Бержье была вынуждена уехать из Одессы в Кременец, на родину Этли. Жак стал посещать еврейскую школу и был в восторге от изучения каббалы. Помимо этого, изучал математику, физику, немецкий и английский языки. Он перечитывал все, что мог достать, но особенно его увлекала научная фантастика.

В 1925 году семья переезжает во Францию. Там Бержье оканчивает лицей Сен-Луи и Высшую химическую школу в Париже. В 1936 году становится ассистентом физика-ядерщика Андре Хельбронера, который был убит гестаповцами в конце Второй мировой войны. Они совместно занимались исследованиями торможения электронов в тяжёлой воде. Работая в области ядерных исследований, Бержье всё глубже погружается в мир мистики и алхимии. Позднее он заявил, что в июне 1937 года встретился с одним из наиболее известных алхимиков XX века, который скрывался под псевдонимом «Фулканелли» и чья личность до сих пор не установлена, и якобы совершил алхимическое превращение натрия в бериллий.

Во время Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления в Лионе. Благодаря работе группы, в которую входил Бержье, удалось выяснить координаты немецкого ракетного центра в Пенемюнде и произвести его бомбардировку в 1943 году. 23 ноября 1943 года он был арестован гестапо и подвергнут пыткам. С марта 1944 года – узник концлагеря Маутхаузен. Освобождён союзниками в феврале 1945 года, вес его к тому времени составлял 35 кг. Он вернулся во Францию 19 мая 1945 года. После освобождения большую часть 1945 года работал в Direction générale des études et recherches – спецслужбе, занятой поисками ядерных технологий в Германии. Им удалось захватить выдающегося авиаконструктора Вилли Мессершмита и готовые ракеты Фау-1 и Фау-2.

После 1950 года Бержье решил сменить род деятельности, став французским корреспондентом журнала фантастики *Weird Tales*, и предложил издателю Роберу Лафону издать серию французских переводов фантастической литературы. Он первым перевел на французский Лавкрафта, которым чрезвычайно восхищался. В 1954 г. познакомился с Луи Повелем, в соавторстве с которым в 1960 г. издал свою главную работу – «Утро магов». В общей сложности работа над книгой заняла пять лет; материалы и черновики сохранились и образовали в 2007 году фонд Повеля в Национальной библиотеке Франции.

Жак Бержье умер в ноябре 1978 года в Париже.

Предисловие

Я очень неловок во всем, что касается ручной работы, и не раз сожалел об этом. Я был бы куда лучше, если бы мои руки умели работать. Руки, которые делают что-то полезное, погружаются в глубины бытия и извлекают оттуда источник доброты и мира. Мой отчим (которого я буду называть здесь отцом, ибо он меня воспитал) был портным. Это была могучая душа, поистине дух-проводник. Порой он говорил, улыбаясь, что падение клерикалов началось в тот день, когда один из них впервые изобразил ангела с крыльями: в небо поднимаются не на крыльях, а на руках.

Несмотря на свою неловкость, я однажды переплел книгу. Мне тогда было шестнадцать лет, и я учился в Жювизи, бедном пригороде. В субботу после полудня нам предоставлялся выбор между работой по дереву или по железу, моделированию или переплетному делу. Я в это время увлекался поэзией, в особенности Рембо. Однако я должен был совершить над собой насилие, чтобы переплести «Сезон в аду». У моего отца было десятка три книг, стоявших в узком шкафу его мастерской вместе с катушками, мылом, тесьмой и выкройками. В этом шкафу были также тысячи записок, написанных мелким аккуратным почерком на уголке портновского стола в течение бесчисленных трудовых ночей. Из принадлежащих ему книг я читал «Мир до сотворения человека» Фламариона и как раз открывал для себя «Куда идет мир?» Вальтера Ратенау. Эту-то работу Ратенау я и принялся переплетать, причем вдохновенно: Ратенау был первой жертвой нацистов. Дело происходило в 1936 г. В маленькой мастерской ручного труда я каждую субботу делал что-нибудь из любви к отцу и к миру рабочих. Первого мая я вместе с букетом ландышей подарил ему книгу Ратенау в карманном переплете.

В этой книге мой отец подчеркнул остро отточенным красным карандашом длинную фразу, которая навсегда сохранилась в моей памяти: «Даже эпоха тирании достойна уважения, потому что она является произведением не людей, а человечества, стало быть, имеет творческую природу, которая может быть суровой, но никогда не бывает абсурдной. Если эпоха, в которую мы живем, сурова, мы тем более должны ее любить, пронизывать ее своей любовью до тех пор, пока не сдвинется тяжелая масса материи, скрывающей существующий с ее обратной стороны свет».

«Даже эпоха тирании...» Мой отец умер в 1948 г., никогда не переставая верить в творческую природу, не переставая любить и «пронизывать» своей любовью горестный мир, в котором он жил, не переставая надеяться, что увидит сет, сияющий за тяжелыми массами материи. Он принадлежал к поколению социалистов-романтиков, кумирами которых были Виктор Гюго, Ромен Роллан, Жан Жорес, носившие большие шляпы и хранившие маленький голубой цветок в складках красного знамени. На границе чистой мистики и социального действия мой отец, более четырнадцати часов в день прикованный к своему портновскому столу – а мы жили на грани нищеты, – совмещал пламенный социализм и поиски внутренней свободы. Быстрые и точные движения, присущие его ремеслу, он ввел в метод сосредоточения и очищения духа, о чем оставил сотни страниц записок. Что бы он ни делал – составлял бутоньерки, разглаживал ткань, – его лицо всегда сияло тихой радостью.

В четверг и воскресенье мои товарищи собирались вокруг его портновского стола, чтобы послушать его и ощутить присутствие его силы, – и у большей части из них жизнь стала иной.

Полный веры в прогресс и науку, он построил для себя могучую философию. У него было нечто вроде озарения при чтении работы Фламариона о доисторических временах. И потом, увлекаемый страстью, он читал книги по палеонтологии, астрологии, физике. Несмотря на отсутствие подготовки, он все же проникал в глубинную сущность этих областей знания. Он говорил почти как Тейяр де Шарден, которого мы тогда не знали: «То, что наш век еще переживает, более внушительно, чем появление буддизма! Теперь речь пойдет уже не о приспособ-

лении того или иного божества к человеческим требованиям. Религиозное могущество Земли вызывает в нас решающий кризис: кризис открытия самих себя. Мы начинаем понимать, что единственная приемлемая для человека религия – это та, которая научит его вначале узнать, а затем любить и страстно служить миру, самым важным элементом которого является он сам». Отец думал, что эволюция не смешивается с возможностью перевоплощения, что она является всеобщей и постоянно возрастающей, что она увеличивает психологическую плотность нашей планеты, подготавливая ее к контакту с интеллектами других миров, к сближению с самой душой Космоса. Для отца род человеческий не был чем-то законченным. Он прогрессировал к состоянию сверхсознания через подъем коллективной жизни и измельченное создание единой психологии. Отец говорил, что человек еще не завершен и не спасен, но законы конденсации творческой энергии позволяют нам питать великие надежды на космическом уровне. И сам он никогда не терял надежды. Поэтому он со спокойной совестью и религиозным динамизмом рассуждал о делах этого мира, забираясь очень далеко и высоко на поиски оптимизма и смелости, которые могли бы быть использованы немедленно и реально. В 1945 г. война закончилась, но появилась угроза новой войны – на сей раз атомной. При этом он умудрялся считать теперешние тревоги и горести как бы негативами великолепного образа будущего. У него была нить, которая связывала его с духовной судьбой Земли, и на свою «эпоху тирании», где заканчивалась его трудовая жизнь, он, несмотря на безмерные личные огорчения, проецировал доверие и огромную любовь.

Он умер у меня на руках в ночь с 31 декабря на 1 января и, прежде чем навеки закрыть глаза, сказал мне: «Не следует слишком рассчитывать на Бога: может быть, Бог рассчитывает на нас...»

Как в этот момент обстояло дело со мной? Мне было 28 лет. А в 1940 г., когда судьба нанесла удар всем нам, мне было двадцать. Я принадлежал к промежуточному поколению, видевшему крушение мира, отрезанному от прошлого и сомневавшемуся в будущем. Я был очень далек от веры в то, что эпоха тирании достойна уважения и что ее нужно «пронизывать нашей любовью». Мне скорее казалось, что понимание ведет к отказу от игры в игру, где все мошенничают.

Во время войны я нашел для себя приют в индуизме. Это было мое личное маки. Я пребывал там в абсолютном сопротивлении. Считал, что не стоит искать точку опоры в истории среди людей: она непрерывно ускользает. Поищем ее в нас самих. Будем так же последовательно людьми этого мира, как если бы мы были людьми не от мира сего. Ничего не казалось мне более прекрасным, чем ныряющая птица Бхагавадгиты, которая «ныряет и выныривает, не замочив перьев». Я говорил себе: события, с которыми мы ничего не можем поделать, надо сделать такими, чтобы они не могли ничего сделать с нами. Я сидел в позе лотоса на облаке, приплывшем с Востока. Ночью отец тайком читал мои книги, чтобы попытаться понять странную болезнь, так отдалявшую меня от него.

Позднее, на следующий день после Освобождения, я нашел учителя жизни и мышления. Я стал последователем Гурджиева. Я работал над тем, чтобы отдалиться от своих эмоций, чувств, порывов, чтобы найти вне этого нечто неподвижное, но постоянное, немое, анонимное – Присутствие высшего порядка, которое утешило бы меня в моем ощущении нереальности и абсурдности мира. Я с состраданием думаю о своем отце. Я думал, что обладаю тайнами владения духом и полным пониманием всего на свете. На самом же деле я не обладал ничем, кроме иллюзии обладания и сильного презрения к тем, кто ее не разделял.

Я приводил отца в отчаяние. Я отчаивался и сам. Я иссыхал до костей в своей позиции отказа. Я читал Рене Генона. Я думал, что мы имеем несчастье жить в мире, радикально развращенном и обреченном на апокалиптический конец. Я готов был подписаться под речью Кортеса в палате депутатов Мадрида, произнесенной им в 1949 г.: «Причина всех ваших ошибок, господа, в том, что вы не знаете направления цивилизации мира. Вы думаете, что цивили-

лизация и мир прогрессируют, а они регрессируют!» Для меня современная эпоха была черной эпохой. Я занимался перечнем преступлений, совершенных против Мысли современной мыслью. Начиная с ХП века оторванный от принципов Запад мчался к своей гибели, и я не мог питать к нему какое-либо доверие, считая его формой соучастия. Моей горячности хватало только на отказ, на разрыв. В этом мире, уже на три четверти скатившемся в бездну, где священники, ученые, политики, социологи и организаторы всякого рода казались мне дармоедами, я не видел ничего светлого, и единственно достойными уважения казались мне исследования древних преданий и безусловное сопротивление нынешнему веку.

В таком состоянии я стал принимать отца за наивного простака. Его обаяние, любовь, дальновидность раздражали меня и были мне смешны. Я обвинял его в том, что он сохранил энтузиазм, характерный разве что для времен Международной выставки 1900 года. Надежда, которую он возлагал на растущий коллективизм и которая устремлялась у него гораздо выше политики, вызывала у меня презрение. Я судил только с позиции античной теократии.

Эйнштейн основал «Комитет отчаяния» из ученых-атомщиков; угроза тотальной войны парила над человечеством, разделенным на два лагеря. Мой отец умирал, ничего не утратив из своей веры в будущее, и я больше не понимал его. Не стану касаться в этой работе классовых проблем. Здесь им не место, но я хорошо знаю, что эти проблемы существуют: они распяли человека, который меня любил. Я не знал своего отца по крови. Он принадлежал к старинной буржуазии. Но моя мать, как и мой второй отец, были рабочими, вышли из рабочей среды. Это мои фламандские предки – игроки, художники, бездельники и гордецы – отдалили меня от смелой динамической мысли, заставили меня уйти в себя и лишили возможности познать силу общения. Между моим отцом и мной уже давно пролегла пропасть. Он, который из страха ранить меня не хотел иметь другого ребенка, кроме этого сына чужой ему крови, пожертвовал собой, чтобы я стал интеллигентом. Дав мне все, он мечтал о том, что у меня будет душа, подобная его душе. В его глазах я должен был стать маяком, человеком, способным светить другим людям, нести им смелость и надежду, показывать им – как он говорил – свет, сверкающий в глубине нас самих. Но я не видел ничего, кроме черноты, ни в себе, ни в человечестве. Я был только клерком, подобным многим другим. Я доводил до последней крайности это чувство, эту потребность в радикальном бунте, которую высказывали в литературных журналах в 1947 году, говоря о «метафизическом беспокойстве», и которая была тяжким наследием моего поколения. Как можно быть маяком в таких условиях? Эта идея, это слово, заимствованное у Гюго, заставляли меня ехидно улыбаться. Отец упрекал меня, что я разлагаюсь, что я перешел – как он говорил – на сторону привилегированных в культуре, мандаринов, тех, кто гордится своим бессилием.

Атомная бомба, отмечающая для меня начало конца времен, для него была знаком нового утра. Материя одухотворялась, и человек открывал вокруг себя и в самом себе силы, о которых до сих пор не подозревал. Буржуазный дух, для которого Земля была просто местом комфортабельного пребывания, должен был быть выметен новым духом – духом тех, кто считает мир этой действующей машины организмом в становлении, единством, которое ждет осуществления, истиной, которая должна родиться. Человечество находится только в начале своей эволюции. Оно получило лишь первые сведения о той миссии, которая была назначена ему Разумом Вселенной. Мы как раз только начинаем узнавать, что такое любовь в мире.

Для моего отца человеческая судьба имела направление. Он судил о событиях по тому, укладывались они в это направление или нет. История имела смысл: она двигалась к какой-то ультрачеловеческой форме, она несла в себе обещание сверхсознания. Его космическая философия не отделяла его от века. На данный момент его позиция была «прогрессивной». Я раздражался, не видя, что он вкладывал бесконечно больше одухотворенности в свою прогрессивность, чем я прогрессировал в своей одухотворенности.

Между тем я задыхался в замкнутости своей мысли. Перед этим человеком я чувствовал себя порой бесплодным и зыбким мелким интеллигентом; и порой случалось, что мне хотелось быть похожим на него, думать так же широко, как он. Вечерами, сидя на углу его портновского стола, я доводил до предела наши противоречия, провоцировал его, втайне желая быть победленным и изменившимся. Но вспыльчивость, которой помогала и усталость, возбуждала его против меня, против судьбы, которая дала ему великую мысль, но не позволила вложить ее в этого сына с противоречиями в крови, – и мы расставались с гневом и болью. Я возвращался к своим размышлениям и своим книгам. Он склонялся над тканью и вновь брался за иглу под лампой, которая высветляла его волосы в желтый цвет. Из своей постели-клетки я долго слышал, как он шептал и бранился. А потом вдруг принимался тихо насвистывать первые такты оды «К радости» Бетховена, чтобы сказать мне издали, что любовь всегда возвращается к близким. Я думаю о нем почти каждый вечер, вспоминая часы наших былых споров. Я слышу этот шепот, эту брань, которая заканчивалась пением, оцениваю по достоинству этот исчезнувший великий полет мужественной мысли.

Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как он умер. Мне вот-вот исполнится сорок. Пойми я его, когда он был жив, я бы направил ум и сердце в гораздо лучшую сторону. Я бы не переставал искать. Теперь, после долгих блужданий, я иду по его пути, – после блужданий, нередко опустошавших меня, и после опасных заблуждений. Я мог бы гораздо раньше примирить вкус к внутренней жизни с любовью к меняющемуся миру. Я мог бы гораздо раньше, – когда силы мои еще были свежи, – более действенно перебросить мост между мистикой и современным духом. Я мог бы чувствовать себя религиозным и одновременно солидарным с великим порывом истории. Я мог бы гораздо раньше обладать верой, любовью к людям и надеждой.

Эта книга подводит итог пяти лет исследований во всех областях знания, на границе науки и преданий. Я устремился в это предприятие, которое явно превосходило мои силы, потому что не мог больше противиться теперешнему и грядущему миру – моему миру. Но всякая крайность озаряет. Я мог бы куда быстрее найти путь общения со своей эпохой. Хотя, подходя к завершению своего начинания, я надеюсь, что не совсем запоздал. С людьми случается не то, чего они заслуживают, а то, что им соответствует. Как завещал Рембо, которым я увлекался в юношеские годы, я долго искал «истину в душе и теле». Мне это не удалось, в погоне за истиной я потерял контакт с маленькими правдами, которые могли сделать меня если не сверхчеловеком моих тогдашних желаний, но хотя бы лучшим и более цельным, чем я стал. Тем не менее я узнал о глубинном поведении ума, о различных возможных состояниях сознания, памяти и интуиции – драгоценные вещи, о которых я не мог бы узнать иным путем и которые должны были позднее позволить мне понять красоту – а по существу, революционность – современного духа: вопрос о природе сознания и настойчивая необходимость трансмутации интеллекта.

Когда я выполз из своей йоговской пещеры, чтобы окинуть взглядом этот современный мир, который я знал, не зная, – я с размаху наткнулся на чудесное. Мое реакционное обучение, часто полное гордыни и ненависти, было полезно вот чем: оно помешало мне подключиться к этому миру с другой стороны – строго рационального XIX века, демагогического прогрессизма. Оно помешало мне также принять этот мир как нечто естественное еще и потому, что это был мой мир, помешало принять его дремлющим сознанием, как это делает большая часть людей. Новыми глазами, освеженными долгим пребыванием вне моего времени, я увидел этот мир настолько бедным действительной фантастикой, насколько мир преданий был для меня фантастикой предполагаемой. Более того: то, что я узнал о нашем веке, углубив, изменило мое сознание древнего духа. Я увидел древность новыми глазами, но взгляд мой оказался достаточно свежим и для того, чтобы увидеть также и новое.

Я встретил Жака Бержье (сейчас расскажу, как) в ту пору, когда закончил писать свою работу о кружке интеллигентов, собравшихся вокруг Гурджиева. Эта встреча, которую я счи-

таю отнюдь не случайной, стала решающей. Два года я посвятил описанию эзотерической школы и своего собственного приключения. Вот то, что я считал нужным сказать, прощаясь с моими читателями. Надеюсь, мне простят, что я цитирую самого себя, зная, что я совершенно не забочусь о привлечении внимания к своим писаниям: меня волнует совсем другое. Я придумал басню об обезьяне и тыквенной бутылке. Чтобы поймать обезьяну живьем, туземцы привязывают к кокосовой пальме тыквенную бутылку с бананом. Обезьяна прибегает, просовывает кисть внутрь, хватается банан и зажимает его в кулаке. Но тогда она не может вытянуть руку – то, что она схватила и из жадности не может бросить, держит ее в плену. Будучи «воспитанником» школы Гурджиева, я написал: «Нужно ощупать, исследовать плоды-западни, а потом гибко отпустить. Удовлетворив известное любопытство, нужно гибко перенести внимание на мир, в котором мы находимся, вернуть себе свободу и ясность, вновь пуститься в путь по земле людей, земле, которой мы принадлежим. Важно видеть, в какой мере существо движения мысли, называемое преданием, находит движение современной мысли. Физика, биология, математика в их крайней точке смыкаются сегодня с некоторыми данными эзотеризма, приближаются к некоторому видению Космоса, отношениям энергии и материи, уже содержащимся в видениях предков. Современные науки, если подойти к ним без ученого конформизма, ведут диалог с древними магами, алхимиками, чудотворцами. Революция происходит у нас на глазах, и она состоит в неожиданном союзе разума, находящегося на вершине своих завоеваний, с духовной интуицией. Для действительно внимательных наблюдений проблемы, которые ставятся перед современным разумом, – это больше не проблемы прогресса. Уже несколько лет, как понятие прогресса умерло. Это проблемы изменения состояния, проблемы превращения. В этом смысле люди, склонившиеся над реальностью внутреннего эксперимента, движутся к будущему и крепкожимают руку передовым ученым, готовящим наступление мира, не имеющего ничего общего с миром тяжелого перехода, в котором мы проживем еще несколько часов».

Вот как раз это высказывание и будет развито в нашей книге. Я говорил себе, что, прежде чем взяться за нее, нужно проникнуть разумом очень далеко назад и очень далеко вперед – это необходимо, чтобы понять настоящее. Я заметил, что людей просто «современных», которых я еще недавно не любил, имея на то причины, я осуждал напрасно. В действительности же они заслуживают осуждения лишь потому, что их ум охватывает слишком маленький отрезок времени. Едва они появляются, как уже становятся анахронизмом. Чтобы жить в настоящем, нужно быть современником будущего. С тех пор, как я принялся вопрошать настоящее, я получаю ответы, полные странностей.

Джеймс Блэш, американский писатель, сказал по поводу Эйнштейна, что он «проглотил Ньютона живьем». Восхитительная формулировка! Если наша мысль поднимается к более высокому видению жизни, она должна проглатывать живьем истины низшего плана. Такова уверенность, приобретенная мной в период исследований. Это может показаться банальным; но когда имеешь дело с мыслями, претендуешь на место на вершине. Мудрость Генона или система Гурджиева, которые не знали или презирали большую часть социальных и научных реальностей, – этот новый способ суждения меняет направление и вкус ума, Платон говорил: «Высокие вещи должны вмещать и низкие, хотя и в другом состоянии». Теперь я убежден, что вся высшая философия, в которой не продолжают жить реальности того плана, который она считает превзойденным, – такая философия не более чем обман.

Вот почему я отправился в довольно долгое путешествие в сторону физики, антропологии, математики и биологии, прежде чем вновь предпринять попытку составить представление о человеке, его природе, его возможностях, его судьбе. Еще недавно я старался узнать и понять всего человека, презирая науку. Я сомневался в том, что дух способен достичь самых высоких вершин. Но что я знал о его вторжении в научную область? Разве он не показал мне такие свои возможности, веря в которые, я склонялся перед ним? Я говорил себе: нужно преодолеть види-

мое противоречие между материализмом и спиритуализмом. Но разве развитие науки не ведет к такому представлению? И разве в этом случае не является моим долгом узнать об этом? В конце концов, разве для Запада XX века не было бы разумным начинанием взять посох пилигрима и отправиться босиком в Индию? Разве вокруг меня не было известного числа людей и книг, чтобы осведомиться на этот счет? Разве я не должен был прежде всего просмотреть до глубины свою собственную территорию? Если научная мысль в своей крайней точке приходит к пересмотру первичного представления о человеке, я должен об этом знать. Но, кроме того, была и другая необходимость. Всякое представление, которое я мог себе составить о судьбе разума, о смысле человеческого бытия, могло иметь ценность только в той мере, в какой оно не противоречило движению современного знания.

Отклик на эти размышления я находил в словах Оппенгеймера: «В настоящее время мы живем в мире, где поэты, историки и философы с гордостью говорят, что они даже не хотели бы предусматривать возможность учиться чему бы то ни было, касающемуся наук; они видят науку в конце длинного туннеля, слишком длинного для того, чтобы опытный человек просунул туда голову. Наша философия, поскольку она у нас есть, откровенно анахронична и, я убежден, совершенно не приспособлена к нашей эпохе».

Однако настоящему интеллигенту ничуть не труднее войти в ту систему мышления, которая управляет термоядерной физикой, если он действительно этого хочет, чем проникнуть в глубины марксистской экономики или томизма. Ничуть не труднее понять теоретические основы кибернетики, чем, скажем, проанализировать причины китайской революции или поэтический эксперимент Малларме. На самом же деле от этого усилия отказываются не из страха перед усилием, но из-за предчувствия, что это влечет за собой изменение образа мышления и выражения, пересмотр незыблемых до сих пор ценностей.

«И тем не менее уже давно, – продолжает Оппенгеймер, – должно было быть предписано более тонкое понимание природы человеческого познания, отношений Человека и Вселенной».

И я принялся за раскопки в сокровищницах науки и техники сегодняшнего дня, принялся, конечно, не имея опыта, с простодушием и изумлением, которые были, быть может, и опасны, но зато способствовали рождению сравнений, сопоставлений, озаряющих сближений. И тогда я вновь отыскал некоторые из своих старых убеждений в бесконечном величии человека, позаимствованных из области эзотеризма и мистики.

Но вернулись они ко мне в другом состоянии. Теперь это были убеждения, которые поглотили живьем формы и действия человеческого разума моего времени, примененные к изучению реальностей. Они не были больше «реакционными», они смягчили антагонизмы, вместо того чтобы обострить их. Очень серьезные конфликты, такие как конфликт между материализмом и спиритуализмом, индивидуальной и коллективной жизнью, расплавились под действием высокого накала мысли. В этом смысле они были больше не выражением выбора, и поэтому – разрыва, но выражением становления, преодоления, обновления, то есть, иначе говоря, бытия.

* * *

Танцы пчел, такие быстрые и нескладные на первый взгляд, выписывают в пространстве точные математические фигуры и являются на самом деле способом передачи информации – языком. Я мечтаю написать роман, где все встречи человека за время его жизни, – мимолетные или оставляющие глубокий след, вызванные тем, что мы зовем случаем или необходимостью, – описывали бы такие фигуры, выражали ритмы, были бы тем, чем они, может быть, и являются на самом деле: умело построенной речью, адресованной душе для ее совершенствования, речью, из которой ей удастся понять в течение целой жизни лишь несколько слов без продол-

жения. Мне кажется порой, что я понимаю смысл этого человеческого балета вокруг меня, угадываю, что говорят мне движения существ, которые приближаются, остаются или удаляются. Потом я, как и все, теряю нить до следующей грубой и все-таки фрагментарной очевидности.

Я шел от Гурджиева. Нежная дружба связывала меня с Андре Бретоном. Через него я познакомился с Рене Аллео, историком алхимии. Однажды, когда мне понадобился научный консультант для серии научно-популярных книг, Аллео познакомил меня с Бержье. Речь шла о работе для пропитания, и я мало думал о науке, все равно, популярной или нет. Однако эта совершенно случайная встреча на долгое время определила мою жизнь, соединила и ориентировала все самые значительные интеллектуальные и духовные влияния, которые я испытывал от Вивекананды до Генона, от Генона до Гурджиева, от Гурджиева до Бретона, и в зрелом возрасте привела меня к исходной точке: к моему отцу.

За пять лет напряженной и счастливой совместной работы, исследований и размышлений мы подошли к. новой, и как кажется, перспективной точке зрения. Это то, чем занимались, хотя и на свой лад, сюрреалисты лет тридцать назад. Но мы вели свои поиски по-другому: мы шли не от сна и подсознания, но со стороны сверхсознания и высших состояний сознания.

Мы назвали созданную нами школу «школой фантастического реализма», поскольку она, при всей симпатии ко всякого рода интеллектуальному эзотеризму, к причудливому и живописному не выставляет, впрочем, его на всеобщее обозрение.

«Путешественник упал замертво, пораженный живописью», – говорил Макс Жакоб. Мы не отрываемся от корней, не изучаем периферии реальности – напротив, мы пытаемся устроиться в ее центре. Нам кажется, что разум, как только он будет сверхактивизирован, обнаружит фантастическое в самом сердце реальности. Фантастическое, которое зовет не к бегству, но, скорее, к глубокому приятию действительности.

От недостатка воображения литераторы и художники ищут фантастическое где-то вне реальности, в облаках. Однако фантастическое, как и другие ценности, должно быть вырвано из чрева земли, из реального. И подлинное воображение – нечто совсем иное, чем бегство в ирреальное. «Никакая способность ума не достигает больших глубин, чем воображение; оно – великий ныряльщик».

Фантастическое обычно определяют как нарушение естественных законов, как проявление невозможного. Для нас это вовсе не так. Фантастическое – это наглядная демонстрация естественных законов, непосредственный контакт с действительностью, не профильтрованный через покрывало интеллектуального оцепенения, привычек, предрассудков, конформизма.

Современная наука говорит нам, что за видимым есть сложное невидимое. Стол, стул, звездное небо в действительности совершенно отличны от того представления, которое мы о них составили. Именно в этом смысле Валери говорил, что в современном сознании «чудесное и позитивное заключили удивительный союз». Мы попытались показать как можно более ясно, что такой союз между чудесным и позитивным действителен не только в области физических и математических наук. То, что верно для этих наук, несомненно, верно и для других аспектов существования: антропологии, например, или современной истории, или индивидуальной психологии... или социологии. То, что играет роль в естественных науках, вероятно, важно и в науках, изучающих человека. Очень трудно соединить эти представления, потому что в науке о человеке собрались все предрассудки, включая те, которые сегодня уже изгнаны из точных наук. И в области, такой близкой нам и такой волнующей, исследователи беспрестанно пытались все свести в одну систему, чтобы наконец ясно увидеть: Фрейд способен даже «Капитал» объяснить с позиций психоанализа.

Когда мы говорим «предрассудки», то правильнее было бы сказать «суеверия». Существуют суеверия древние и современные. Для некоторых людей непонятно развитие цивилизации, если не допустить у самых ее истоков существование Атлантиды. Для других – достаточно марксизма, чтобы объяснить появление Гитлера. Некоторые видят во всяком гении Бога,

другие же замечают только его пол. Мы хотели бы сделать ощутимым союз между чудесным и позитивным в отдельном человеке или в человеке общественном, так же, как он ощутим в биологии, физике или современной математике, где о нем говорят очень открыто и прямо: об «ином абсолютном», о «запрещенном свете» и «мере странности».

«На космическом уровне вся современная физика учит нас тому, что только фантастическое имеет шансы быть истинным», – сказал Тейяр де Шарден. Но для нас «феномен человека» должен также измеряться на космическом уровне. Об этом говорят самые древние и мудрые книги. Об этом же свидетельствует и наша цивилизация, которая начинает запускать ракеты к другим планетам и ищет контакт с иными разумными существами. Так что наша позиция – это позиция свидетелей реальностей нашего времени.

При ближайшем рассмотрении в нашей позиций, которая вводит фантастический реализм естественных наук в сферу науки о человеке, нет ничего оригинального. Мы отнюдь и не претендуем на оригинальность. В идее применения математики к гуманитарным наукам нет действительно ничего потрясающего, однако она дала действительно новые и важные результаты. Идея о том, что Вселенная, может быть, совсем не то, что мы о ней знаем, не оригинальна: но посмотрите, сколь многое перевернул Эйнштейн, применив ее. Наконец, очевидно, что такая работа, как наша, написанная с максимальной честностью и минимальной наивностью, должна вызвать немало вопросов. Мы не думаем, что какая-нибудь система, как бы искусна она ни была, могла бы полностью осветить совокупность всего живого. Даже будучи марксистом, не стоит игнорировать то, что Гитлер иной раз с достоинством утверждал, что он связан с Высшим неизвестным. И как бы ни поворачивали во все стороны медицину Пастера, из нее долго не могли сделать выводов, что болезни вызываются животными, слишком маленькими, чтобы их можно было увидеть. Тем не менее возможно, что существует глобальный и окончательный ответ на все наши вопросы и что мы просто его не услышали. Ничто не исключено. Мы не открыли никакого «гуру», не стали последователями нового мессии, не предлагаем никакой доктрины. Мы старались открыть читателю как можно больше дверей, и, так как большая их часть открывается вовнутрь, мы просто отошли в сторону, чтобы дать ему пройти.

Повторяю: фантастическое в наших глазах – это не воображаемое. Но воображение, примененное к изучению действительности, показывает, что между чудесным и позитивным граница очень тонка – это граница между видимым и невидимым мирами. Существует мир, а может быть, и много миров, параллельных нашему. Я думаю, что мы не взяли бы за эту работу, если бы в течение нашей жизни нам не приходилось чувствовать себя реально, физически, в контакте с другим миром. У Бержье это произошло в Маутхаузене. Со мной это произошло у Гурджиева. Обстоятельства очень различные, но сущность фактов одна и та же.

Американский антрополог Лорен Эйели, мысль которого близка к нашей, рассказывает прекрасную историю, которая хорошо выражает то, что я хочу сказать.

«Встреча с другим миром, – говорит он, – это не только выдумка. Это может случиться с людьми реально. С животными так же. Порою границы скользят или пересекаются: достаточно быть на месте в нужный момент. Я видел, как это случилось с вороной. Эта ворона – моя соседка. Я никогда не причинял ей ни малейшего зла, но она заботится о том, чтобы держаться на вершинах деревьев, летать высоко и избегать людей. Ее мир начинается как раз там, где останавливается мое слабое зрение. Однако как-то утром все было погружено в исключительно густой туман, и я брел к вокзалу ощупью. Неожиданно на высоте моих глаз появились два огромных черных крыла, впереди которых торчал гигантский клюв, – и все произошло молниеносно: ворона издала крик ужаса, такой, подобного которому я никогда больше не желал бы слышать. Этот крик мучил меня всю вторую половину дня. Мне пришлось смотреть в зеркало и спрашивать себя: что же во мне такого возмутительного.

В конце концов, я понял. Граница между нашими двумя мирами соскользнула из-за тумана. Ворона, думавшая, что летит на обычной для себя высоте, вдруг увидела потрясаю-

щее зрелище, которое для нее противоречило всем законам природы. Она увидела человека, идущего по воздуху, в самом центре вороньего мира. Она встретила с демонстрацией самой абсолютной странности, какую только может вообразить ворона, – увидела летающего человека...

Теперь, заметив меня сверху, она возмущенно каркает, и я узнаю в этих звуках неуверенность ума, мир которого потрясен. Она уже не такая, она никогда больше не будет такой, как другие вороны...» Эта книга – не роман, хотя намерение было романтическим. Она не относится к жанру научной фантастики, хотя соседствует с мифами, питающими этот жанр. Она не являет собою коллекцию странных фактов, хотя ангел странного чувствует себя в ней вполне удобно. Она не является и научным трудом, хранительницей неизвестного учения, собранием документов или вымыслов. Это рассказ, порой основанный на легендах, а порой – на подлинных событиях, – о путешествии в области знания, еще едва исследованные. Как в судовых журналах мореплавателей Возрождения, феерия и истина, случайности и точные факты – все перемешано в этой книге. Дело в том, что у нас не было ни времени, ни средств, чтобы довести исследование до конца. Мы можем только подсказывать и набрасывать эскизы путей сообщения между этими различными областями, которые сегодня еще являются «запрещенными землями». В этих землях мы сумели побывать лишь мимолетно... Когда они будут лучше изучены, то, несомненно, все заметят, что многие из наших высказываний были столь же бредовыми, как доклады Марко Поло. Эту возможность мы допускаем с чистым сердцем. «В жизни Поведя и Бержье было множество глупостей», – возможно, скажут о нас. Но если эта книга вызвала желание двинуться дальше и взглянуть повнимательнее, то мы достигли нашей цели.

По ходу работы возникало большое количество трудностей, забот и неприятностей всякого рода – иногда их было столько, что это приводило меня в отчаяние. Я не люблю творческих деятелей, безразличных ко всему, что не относится к их творчеству. Меня привлекает масштабность, и жертвовать перспективой ради красот стиля кажется мне недостойным. Но легко понять, что при таком подходе существует риск просто утонуть в лавине информации. Мне помогла одна мысль Винсента де Поля: «Великие изменения всегда встречаются с различными противоречиями и трудностями. И пусть все будет нам говорить, что нужно отказаться от своей миссии, но остережемся прислушаться к этому, памятуя, что Бог никогда не отменяет того, что он однажды решил, – если даже нам и кажется, что происходит нечто противоположное».

Часть первая

Будущее, которое уже было?

Глава 1

Вспоминая о настоящем

Сегодня каждый уважающий себя интеллигентный человек все время куда-то спешит. И возможно, что наш лучший читатель, самый дорогой для нас, разделается с нами за два-три часа. Я знаю некоторых людей, которые за двадцать минут умудряются с пользой для себя прочитывать по сто страниц из математики, философии, истории или археологии. Актеры учатся «ставить» свой голос, но научит ли кто-нибудь нас «ставить» собственное мнение? В этой работе я не подражаю тем писателям, которые стремятся удержать читателя, всячески развлекающая и убаюкивая его. Мой девиз: ничего для сна – все для пробуждения. Быстрее берите и уходите! Ведь у вас еще множество других дел. Если понадобится, пропускайте целые главы, начинайте где хотите, читайте по диагонали – это инструмент для многостороннего использования, как складной нож со многими лезвиями. Например, вы опасаетесь слишком поздно напасть на сюжетную жилу, которая вас интересует, – тогда пропустите эти первые страницы. Знайте только, что они показывают, как XIX век захлопнул двери перед фантастической действительностью Человека, Мира, Вселенной; как XX век их приоткрыл, но как наша мораль, философия и социология, которым следовало бы опережать эпоху, вовсе не стали таковыми, оставаясь привязанными к отжившему XIX веку. Мост между эпохой кремниевое ружья и ракетным веком еще не переброшен, хотя об этом думают, ибо в спешке и нетерпении мы оплакиваем не прошлое, а настоящее. Итак, теперь вы знаете достаточно, чтобы быстро пролистать начало, если оно вам не нужно, и заглянуть в книгу дальше.

Жаль, что история не сохранила имени того, кто первым поднял тревогу. Это был некий директор американской патентной конторы. В 1875 году он направил государственному секретарю по торговле прошение об отставке. «Зачем мне занимать это место, – писал он, – если изобретать уже больше нечего?» Двенадцать лет спустя, в 1887 г., великий химик Марселен Вертело писал: «Во Вселенной больше не осталось тайн». Тогда считали, что химические элементы не подвержены превращениям. Но в то время как Вертело в своем ученом труде развешивал мечты алхимиков, элементы, которые этого не знали, продолжали трансформироваться под воздействием естественной радиоактивности. Еще в 1852 г. это явление было описано Рейхенбахом, но тотчас отвергнуто. В работах 1870 г. упоминалось о «четвертом состоянии материи», которое наблюдалось при электрических разрядах в газовой среде. Но требовалось вытеснить все таинственное: что и было сделано.

Далее, немец по фамилии Цеппелин, вернувшись на родину после того, как он сражался в рядах южан, попытался заинтересовать промышленников идеей управления воздушными шарами. «Бедолага! – отвечали ему, – разве вы не знаете, что есть три темы, по которым Французская Академия наук больше не принимает заявок: квадратура круга, туннель под Ла-Маншем и управление воздушными шарами?» Другой немец, Герман Газвиндт, предложил построить движимые ракетами летательные машины тяжелее воздуха. На его пятой по счету рукописи германский военный министр, посоветовавшись со специалистами, написал с участливостью, свойственной его натуре и должности: «Когда же эта несчастная птица наконец околеет?» Русские, со своей стороны, избавились от другой несчастной птицы – Кибальчиша, еще одного приверженца ракетных летательных машин. Избавились с помощью взвода казнивших его сол-

дат. Правда, Кибальчич использовал свой технический талант для изготовления бомбы, разорвавшей на мелкие кусочки императора Александра.

Но вовсе уж не было оснований ставить к позорному столбу профессора Смитсоновского института, американца Лэнгли, который предложил летательные машины, приводимые в движение недавно изобретенными двигателями внутреннего сгорания. Он был высмеян, уничтожен и изгнан из Смитсоновского института.

Профессор Симон Ньюкомб дал математическое обоснование невозможности полета тел тяжелее воздуха. За несколько месяцев до смерти убитого горем Лэнгли один маленький английский мальчик как-то раз вернулся из школы в слезах. Он показал своим соученикам фотоснимок макета, который Лэнгли прислал его отцу. Отец сказал, что люди в конце концов будут летать. Товарищи принялись насмехаться, а учитель сказал: «Мой друг, неужели ваш отец – полный идиот?» Предполагаемого идиота звали Герберт Джордж Уэллс.

Так все двери захлопывались одна за другой с глухим стуком. В самом деле, патентоведом оставалось разве что подать в отставку, и г-н Брюнетьер в 1885 г. мог спокойно говорить о «крахе науки». Знаменитый профессор Липпман тогда же заявил одному из своих учеников, что физика закончена, упорядочена, дополнена и сдана в архив и что лучше бы ему заняться другой наукой. Этого ученика звали Гельброннар; он стал первым в Европе профессором физической химии и сделал замечательные открытия, касающиеся жидкого воздуха, ультрафиолетовых лучей и коллоидного состояния металлов. Муассан, гениальный химик, был вынужден выступить с «самокритикой» и публично заявить, что его эксперимент по получению искусственных алмазов был некорректным.

Что говорить, если паровая машина и газовая лампа в то время считались величайшими изобретениями за всю историю человечества. Что касается электричества, то это простой технический курьез. Один полоумный англичанин, Максвелл, утверждал, что посредством электричества можно создать невидимые световые лучи, – абсурд! Через несколько лет Амброз Бирс смог написать в своем «словаре сатаны»: «Неизвестно, что такое электричество, но, во всяком случае, оно освещает лучше, чем газовый рожок, и толкает сильнее, чем лошадиная сила».

Энергия считалась совершенно независимой от материи и лишенной всякой тайны. Она состояла из флюидов, которые описывались очень красивыми на вид уравнениями и легко классифицировались: флюид электрический, тепловой, световой и т. д. Простая и ясная прогрессия: три состояния материи (твердое, жидкое и газообразное) плюс еще более тонкие энергетические флюиды. Достаточно просто отбросить зарождающиеся теории атома как философские бредни, чтобы сохранить «научную картину» мира. Время Планка и Эйнштейна еще не пришло.

Немец Клаузиус доказывал, что единственно возможный источник реальной энергии – это огонь. Считалось, что однажды заведенная, как часы, Вселенная должна остановиться, когда завод кончится. Никаких чудес, никаких сюрпризов. В этой Вселенной с predetermined судьбой жизнь появилась случайно и развивалась посредством простой игры естественного отбора. Конечный итог этой эволюции – человек, то есть механический и химический конгломерат, снабженный некоей иллюзией – сознанием. Под влиянием этой иллюзии человек изобрел пространство и время – специфические продукты мысли. Если бы ординарному ученому XIX века сказали, что физика в один прекрасный день начнет экспериментально изучать кривизну пространства и обратимость времени – он вызвал бы полицию. Ведь пространство и время не имеют никакого реального существования. Это переменные величины в математике и пища для досужих размышлений философов. Вопреки работам Шарко и Гислопа, всякая идея внечувственного или вневременного восприятия должна с презрением отбрасываться. Нет ничего неизвестного во Вселенной, нет ничего неизвестного в человеке! Исследования внутреннего мира казались совершенно бесполезными. Тем не менее существовало явление,

которое не укладывалось в привычные рамки, – гипноз. Наивный Фламарион, сомнительный Эдгар По и подозрительный Уэллс серьезно интересовались этим явлением. Как ни странно, официальный XIX век умудрился доказать то, что и гипноза не существует. Просто пациент умышленно лжет и симулирует, чтобы доставить удовольствие гипнотизеру. Это очевидно. Но после Фрейда и Мортон Прайса стало известно, что личность может быть раздвоенной. Исповедуя абсолютный критицизм, этому веку удалось создать негативную мифологию, устранив все неизвестное и таинственное в человеке.

С биологией тоже было покончено. Исследования Клода Бернара исчерпали ее возможности, после чего пришли к выводу, что мозг выделяет мысль подобно тому, как печень выделяет желчь. Собирались даже обнаружить эту секрецию и записать ее химическую формулу в соответствии со столь же красивыми шестиугольниками, как у г-на Вертело. Когда стало бы известно, каким образом соединяются шестиугольники углерода, чтобы создать мысль, была бы перевернута последняя страница. Пусть нам дадут работать серьезно! Безумцев – в сумасшедший дом! В одно прекрасное утро 1898 г. некий серьезный господин приказал гувернантке не позволять больше детям читать Жюль Верна. Его ложные идеи деформируют юные умы. Серьезного господина звали Эдуард Бранли. Он решил отказаться от своих опытов с волнами, не представлявших интереса, чтобы стать домашним врачом.

Настоящий ученый должен не только отречься от безумных идей, но и бороться с «авантюристами», то есть с теми, кто лишь смущает воображение, предаваясь мечтаниям. Вертело нападает на философов, «которые селятся пронзить свой собственный призрак на пустынной арене абстрактной логики. Любой факт оказывает человечеству большую услугу, чем самый великий философ мира». Наука может быть только экспериментальной. Без этого нет спасения. Закроем двери. Никто и никогда не сравнится с теми гигантами, которые изобрели паровую машину.

В этой Вселенной, такой упорядоченной, понятной и наглухо запертой, человек должен, наконец, занять свое место рядового явления. Никаких утопий, никакой надежды. Ископаемое горючее исчерпается в течение нескольких веков, и наступит конец из-за голода и холода. Человек никогда не будет летать, никогда не отправится в космос, никогда не спустится он и на морское дно. Как странно это запрещение посещать морские пропасти! Состояние техники XIX века ничуть не помешало построить батискаф проф. Пикара. Этому не было никаких препятствий, кроме бесконечной скромности, ничего, кроме заботы о том, чтобы человек «занимал свое место».

Тюрпена, изобретшего мелинит, очень быстро упрятали в тюрьму. Изобретатели двигателя внутреннего сгорания были приведены в отчаяние: им пришлось доказывать, что электрические машины – не частный случай вечного двигателя. То была эпоха великих изобретателей – одиноких, бунтующих, преследуемых. Герц сам писал в Дрезденскую торговую палату, что нужно запретить исследования по передаче герцевских волн, ибо никакое их практическое применение невозможно. Эксперты Наполеона III доказали, что динамо-машина Грамма никогда не будет вращаться.

По поводу первых автомобилей, подводной лодки, дирижабля, по поводу электрического света (мошенничество этого проклятого Эдисона!) ученые Академии не беспокоились. Есть одна бессмертная страница – это отчет об экспертизе фонографа во Французской Академии наук: «Как только машина произнесла несколько слов, г-н постоянный секретарь устремился к обманщику и стиснул ему горло железной рукой. – Вот видите! – удовлетворенно сказал он коллегам. Однако, к общему удивлению, машина продолжала издавать звуки...» Тем временем великие умы, встречая сильное сопротивление, тайно вооружаются, чтобы подготовить самую потрясающую революцию знаний, какую знал когда-либо «исторический» человек. Но все пути пока еще перекрыты.

Перекрыты и наглухо закупорены. Сообщения об ископаемых останках доисторических людей, которых накапливается все больше, с порога отметаются. Разве не доказал великий Генрих Гельмгольц, что Солнце извлекает свою энергию из собственного сокращения, то есть из единственной силы, которая, наряду с горением, существует во Вселенной? И разве не показывают его расчеты, что не более сотни тысяч лет отделяет нас от рождения Солнца? Откуда тогда длительная эволюция? К тому же будет ли когда-нибудь придуман надежный способ датировки прошлого? Так что давайте, люди-явления, попробуем остаться хотя бы серьезными в этом коротком промежутке между двумя ничто. Факты! Факты! Ничего, кроме фактов! Поскольку понятия энергии и материи не популярны, лучшие из исследователей обращаются к эфиру – всепроникающей среде, обеспечивающей движение световых и электромагнитных волн. Лорд Гайли, представлявший в конце XIX века официальную английскую науку во всем ее величии, создает теорию гироскопического эфира: эфир состоит из многочисленных волчков, вращающихся во всех направлениях. Иными словами, «если творение человеческого ума может дать представление о полном безобразии, то теории лорда Гайли это вполне удалось».

Именно в спекуляциях с эфиром увязли лучшие умы конца XIX века. Но в 1898 г. разразилась катастрофа: опыт Майкельсона и Морли разрушил гипотезу эфира. Свидетельства этого краха можно найти во всех произведениях Анри Пуанкаре. Пуанкаре, гениальный математик, чувствовал, что его безмерно тяготит бремя XIX века – тюремщика и палача фантастического. Он бы открыл относительность, если бы посмел это сделать. Но он не осмелился. «Ценность науки», «Наука и гипноз» – это книги отчаяния и самоустранения. Для него научная гипотеза никогда не бывает верной, она может быть только полезной. Как в испанской гостинице – там можно найти только то, что ты принес с собой. По мнению Пуанкаре, если бы Вселенная уменьшилась в миллион раз, а мы – вместе с ней, то никто бы ничего не заметил. Спекуляции бесполезны, так как они оторваны от всякой чувственной реальности. Этот аргумент цитировался до самого начала нашего века как образец глубокомыслия. До того самого дня, когда один инженер-практик заметил то, о чем всегда знал колбасник, – ведь окорока-то падают. Вес окорока пропорционален его объему, но крепость веревки пропорциональна только длине ее отрезка. Если вся Вселенная сократится только на одну миллионную, то под потолком не останется ни одного окорока! Бедный великий Пуанкаре! Этот мастер мысли писал: «Одного здравого смысла достаточно, чтобы понять, что разрушение города посредством лишь полукилограмма металла – это вполне очевидная возможность».

Неожиданно двери к бесконечным возможностям человека, материи, энергии, пространства и времени, тщательно запертые XIX веком, разлетелись вдребезги. Наука и техника сделали потрясающий скачок, и сама природа познания была поставлена под вопрос.

Грядет, однако, не только прогресс, но и трансформация. В этом другом состоянии мира должен измениться и характер самого сознания. Огромная пропасть отделяет человека от человечества, наше общество – от нашей же цивилизации. Мы живем идеями, моралью, социологией, философией, психологией XIX века. Мы смотрим, как поднимаются в небо ракеты, как нашу Землю сотрясают тысячами новых вибраций, а сами посасываем трубку Тома Ячменное Зерно. Наша литература, наши философские дискуссии, наши идеологические конфликты, наша позиция по отношению к действительности – на все это ответ за дверьми, которые должны быть разломаны.

Глава 2

По ту сторону логики

«Маркиза пила чай в пять часов». Валери говорил, что нельзя писать подобные вещи, войдя в мир идей, в тысячу раз более сильный, в тысячу раз более реальный, чем мир сердца и чувств. Антуан любил Мари, которая любила Поля; они были очень несчастны и очень ничтожны. И это литература! А тем временем мысль влечет за собой подлинные трагедии и драмы, перерождает существа, потрясает цивилизации, мобилизует огромные человеческие массы.

Конец XIX века отмечен расцветом театра и буржуазного романа, и литературное поколение 1885 г. тотчас узнает себя в зарисовках Анатоля Франса и Поля Бурже. Одновременно в области чистого сознания разыгрываются куда более значительные и захватывающие драмы, чем среди героев «Развода» или «Красной лилии». С новой силой возобновляется полемика между материализмом и спиритуализмом, между наукой и религией. Для наследников позитивизма Тэна и Ренана ирреальное неожиданно становится возможным – под напором новых открытий рушатся стены недоверия и мир предстает как романтическая интрига с перипетиями персонажей, предательствами, противоречивыми страстями, спором иллюзий.

Например, если принцип сохранения энергии оказывается ложным, что мешает медиуму создавать эктоплазму из «ничего»? Если магнитные волны проходят сквозь землю, то почему этого не может сделать мысль? Если все тела излучают невидимые силы, то почему невозможно астральное тело? Если есть четвертое измерение, то не является ли оно обиталищем духов? Мадам Кюри, Крукс, Лоди занимались столоверчением. Эдисон пытался построить аппарат, посредством которого можно было бы общаться с умершими. Маркони в 1901 г. был уверен, что принял послание марсиан. Саймон Ньюкомб нашел совершенно естественным, что один медиум материализует раковины из Тихого океана. Вторжение ирреальной фантастики опрокидывает исследователей реальной действительности.

Но старая гвардия позитивизма пытается противостоять этому потоку. И во имя истины, во имя реальности она отказывается от всего разом: от X-лучей и эктоплазмы, от атомов и душ умерших, от четвертого состояния материи и от марсиан. Так между фантастикой и реальностью разыгрывается сражение – зачастую абсурдное, слепое, беспорядочное, которое случается всякий раз во всех формах мысли, во всех областях: литературной, социальной, философской, моральной, этической. Порядку суждено восстановиться именно в физической науке, и не путем регрессии или каких-либо удалений, но посредством восхождения на высшую ступень. Именно в физике рождаются новые концепции. Этим мир обязан усилиям таких титанов, как Ланжевэн, Перрен, Эйнштейн. Появляется новая, менее догматичная наука. Открывается новая реальность. Как и во всяком большом романе, в итоге не оказывается ни добрых, ни злых.

Где же мы сегодня? Открыты почти все двери здания науки, но физика уже почти без стен: собор, весь состоящий из стекла, где отражаются отблески иного, бесконечно близкого мира.

Материя, как и дух, заключает в себе неисчерпаемую энергию и неисчислимые возможности. Логика «здорового смысла» более не существует. В новой физике одна и та же теорема может быть одновременно и верной, и ложной. « $A \times B$ » больше не равно « $B \times A$ ». Одна и та же сущность может быть и конечной, и бесконечной. Границы возможного уже не определяются одной лишь физикой.

Один из самых удивительных признаков открытости физики – это введение такого понятия, как «странность». Речь вот о чем. В начале XX века наивно полагали, что для определения частицы достаточно двух, самое большее – трех чисел, обозначающих ее массу, электрический заряд и магнитный момент. Для более полного описания частицы потребовалось добавить

еще одну величину, которую называли «спин». Вначале думали, что эта величина соответствует периоду обращения частицы вокруг самой себя, – нечто такое, что, например, для планеты Земля соответствовало бы 24-часовому периоду, регулирующему смену дня и ночи. Но заметили, что никакое упрощенное объяснение такого рода не годится. Спин – это просто спин, количество энергии, связанное с частицей. Математически он представляется как вращение, без того, чтобы в частице на самом деле что-то вращалось.

В научных трудах, принадлежащих, в частности, проф. Луи де Бройлю, лишь отчасти раскрыта тайна спина. Но неожиданно убедились, что между тремя известными частицами – протоном, электроном, нейтроном (а также их зеркальными отражениями: антипротоном, позитроном, антинейтроном) – существуют добрых три десятка других частиц. Космические лучи – гигантские ускорители – производят их в огромном количестве. Однако, чтобы описать эти частицы, обычных четырех единиц измерения – массы, заряда, магнитного момента, спина – недостаточно. Требуется пятая единица, а может быть, и шестая – и т. д. И совершенно естественным образом физики назвали новые величины «странностями».

Возьмите лист бумаги и сделайте в нем два отверстия на близком расстоянии. Для здравого смысла очевидно, что предмет, достаточно малый, чтобы пройти через эти отверстия, пройдет либо через одно из них, либо через другое. Для здравого смысла так же очевидно, что электрон – это предмет. Он имеет определенный вес, он производит световую вспышку, когда ударяется об экран телевизора, издает стук, когда ударяется о микрофон. Вот, стало быть, предмет достаточно малый, чтобы пройти сквозь одно из наших отверстий. Однако наблюдения с помощью электронного микроскопа показывают нам, что электрон прошел одновременно через оба отверстия! Но если он прошел через одно, то не может же он одновременно пройти и через другое! Однако так оно и есть – он одновременно прошел через оба. Это безумие, но оно доказано экспериментом. Попытки объяснения породили разные доктрины, в частности волновую механику. И однако же волновой механике не удастся полностью объяснить такой факт, который лежит вне пределов нашего разума, не проявляется посредством «да» или «нет», «А» или «Б». Для того чтобы это понять, понадобилось изменить саму структуру нашего разума. Наша философия требует тезиса и антитезиса. Нужно полагать, что в философии электрона тезис и антитезис одинаково справедливы. Считать ли это абсурдом? Очевидно, что электрон повинует определенным законам, поскольку телевидение, например, является реальностью. Так существует электрон или нет? И что же такое электрон – нечто или ничто? Этот вопрос совершенно лишен смысла. Так на острие сознания исчезают обычные методы мышления и литературной философии, рожденные ограниченным видением вещей.

Земля связана со Вселенной, и человек находится в контакте не только с той планетой, на которой живет. Космические лучи, радиоастрономия, работы по теоретической физике служат примерами контакта со всем космосом. Мы больше не живем в замкнутом мире, но почему же тогда наша психология, о которой так пекутся романисты, остается столь замкнутой, уменьшенной до бессознательных импульсов? Миллионы «цивилизованных» людей раскрывают книги, идут в кино или театр, чтобы узнать об истории Рене и Франсуаз, которая становится лесбиянкой из ненависти к любовнице своего отца, и в то же время исследователи размышляют над практическим воплощением «унитарной теории» Жана Берона, открывающей возможность реальных путешествий к далеким мирам во имя выяснения глубочайшего смысла посвящения и возможных контактов с иным разумом.

В области исследования структуры пространства и времени наши представления о прошлом и будущем повисают в воздухе. На уровне частиц время движется одновременно в двух направлениях: в сторону будущего и в сторону прошлого. А что такое время при субсветовой скорости? Мы в Лондоне в октябре 1944 года. Ракета «Фау-2», летящая со скоростью 5000 км в час, находится над городом. Полет завершится падением. Но относительно чего? Для жителей дома, что будет разрушен в одно мгновение, у которых нет никаких приборов, кроме глаз и

ушей, ракета будет падать. Но для оператора радара, работающего с волнами, которые распространяются со скоростью света (в сравнении с ними ракета просто ползет), траектория бомбы уже определена. Он наблюдает, но ничего не может сделать. На уровне человека уже ничто не может перехватить оружие смерти. Для оператора ракета уже взорвалась, ибо для скорости радара время практически не движется. Жители дома еще только будут мертвы, а для радара они уже мертвы.

Другой пример: в космических лучах, когда они достигают поверхности Земли, находятся частицы, мю-мезоны, земная жизнь которых длится всего одну миллионную секунды. Но эти частицы рождены в небе, в 30 километрах от Земли, там, где атмосфера нашей планеты приобретает некоторую плотность. Чтобы преодолеть это расстояние отпущенного им времени, с нашей точки зрения, недостаточно. Но их время – другое. Они прожили вечность и вошли в царство времени в тот момент, когда потеряли свою энергию, достигнув земли, – еще одно свидетельство относительности наших представлений о времени.

Время едино и вечно; прошлое, настоящее и будущее – только различные аспекты длительной неизменной записи нашего существования. Для современных последователей Эйнштейна в действительности существует одно только вечное настоящее. То же самое говорили и древние мистики. Если будущее уже существует, то предвидение – это реальность. Все перипетии науки, обращенной к будущему, ориентированы на описание законов физики, биологии и психологии в четырех измерениях, то есть в вечном настоящем. Прошлое, настоящее, будущее – суть одно состояние сознания, работа мозга.

Сопоставление мнений ученых, специализирующихся в разных дисциплинах, приводит к следующему предположению: быть может, последние тайны элементарных частиц будут раскрыты нам в один прекрасный день более глубоким проникновением вглубь мозга, потому что именно мозг – завершение и венец самых сложных реакций в нашем районе Вселенной, и нет сомнения, что он содержит в себе самые глубокие законы этого района.

Мир не абсурден, и ум вовсе не неспособен его понять. Наоборот, возможно, что человеческий дух уже понял мир, но еще не знает этого.

Часть вторая

Заговор среди бела дня

Глава 3

Розенкрейцеры и другие

Один из персонажей Уэллса говорил: «Даже самые образованные люди зачастую не отдают себе отчета в той силе, которая сокрыта в научных книгах. В них чудеса, чудеса, чудеса».

Теперь же, однако, в этом отдают себе отчет даже люди с улицы – там есть чудеса, и притом пугающие. Со времен Уэллса родилось новое поколение ученых, и сила науки вышла далеко за пределы планеты, угрожая самому ее существованию. Современные ученые более не считают себя лишь сторонними наблюдателями и беспристрастными исследователями, а в значительной мере принимают на себя ответственность за судьбу человечества.

Жолио-Кюри бросал бутылки с бензином в немецкие танки во время боев за освобождение Парижа. Норберт Винер гневно обличал политических деятелей: «Мы дали вам источник бесконечной силы, а вы создали Нагасаки и Хиросиму!» «Исследователь вынужден признать, что он, как и всякий смертный, не просто зритель, но и участник в великой драме бытия», – говорил Нильс Бор.

Это представители нового поколения ученых – преемники великих пионеров первой четверти нашего века: супругов Кюри, Ланжевена, Перрена, Планка, Эйнштейна и других. За столь короткий исторический период пламя гения поднялось до таких высот, каких оно не достигало со времен эллинской цивилизации.

Эти мастера мысли сражались против инертности человеческого духа. Они ожесточились в этих боях. «Истина не побеждает – просто вымирают ее противники», – говорил Планк. А Эйнштейн сказал: «Я не верю в перевоспитание других. Верить нужно только в себя, даже если другие считают тебя безумцем». Вначале эти ученые чувствовали себя ответственными только перед истиной, но вскоре политика наступила им на пятки. Сын Планка был убит гестаповцами. Эйнштейн оказался в изгнании.

Современный ученый более чем связан с миром. Он обладает огромными практическими знаниями, и вскоре будет наделен всей полнотой власти. Он – ключевой персонаж приключения, в которое втянуто человечество. Окруженный политиками, теснимый полициями и секретными службами, охраняемый военными, по завершении своей работы он имеет равные шансы получить Нобелевскую премию или быть расстрелянным. Устремляясь к вершинам научной мысли, поднимаясь на уровень планетарного, если не космического сознания, он с насмешкой и горечью взирает на сферу буржуазных проблем и мелочных интересов.

Материя обнаруживает сокровенные тайны энергии, открывается путь космической эволюции. Такие события, похоже, не имеют аналогов в истории. «Мы живем в момент, когда история затаила дыхание, когда настоящее отрывается от прошлого, как айсберг откалывается от ледяных утесов и уходит в безграничный океан», – писал Артур Кларк в книге «Дети Икара». Мы живем в эпоху фантастических преобразований, ощущая себя то отсталыми людьми нового времени, то современниками будущего.

Идеи, на которых основана современная цивилизация, обещали. В этот поистине ключевой момент нам не следует удивляться, если роль науки и миссия ученого претерпевают глубокие изменения. Каковы эти изменения? Быть может, картина из отдаленного прошлого позволит нам осветить будущее и отыскать новую отправную точку. Однажды в 1622 г. пари-

жане обнаружили на стенах домов такое воззвание: «Мы, депутаты главной коллегии Братьев Розы и Креста, зримо и незримо пребываем в этом мире милостию Всевышнего, к которому обращается сердце Справедливых, чтобы избавить людей от пути, ведущего к гибели».

Многие сочли это розыгрышем, но сегодня мы знаем, что Общество Розы и Креста было вполне реальной силой.

Согласно преданию, adeпты общества утверждали, что власть человека над природой и над самим собой может стать безграничной, что бессмертие и контроль над силами природы в его власти и что все, происходящее во Вселенной, может быть ему известно.

В этом нет ничего абсурдного, и прогресс науки уже частично осуществил эти мечты. Так что призыв 1622 г. мог бы и сегодня с тем же успехом появиться на стенах домов Парижа и на страницах газет, если бы на конгрессе «тайного общества» ученых было решено проинформировать человечество об угрожающей ему опасности и заявить о необходимости направить все усилия на поиски новых социальных и духовных перспектив. В этом смысле и патетическое заявление Эйнштейна, и высказывание Планка являются, в сущности, парафразом старинного манифеста.

Но вернемся к розенкрейцерам. «Они представляли собой, – пишет историк Серж Ютен, – общество тех, кто достиг более высокого уровня развития в сравнении с остальным человечеством и, следовательно, обладает неоспоримым внутренним сходством, позволяющим узнавать друг друга». Заслуга этого определения в том, что оно обходится без оккультных терминов, по крайней мере внешне.

Похоже, последние открытия в области психологии достаточно убедительно свидетельствуют о том, что существует высшее состояние сознания, отличное от сна и бодрствования, – состояние, в котором интеллектуальные способности человека многократно возрастают. От «психологии глубин», которой мы обязаны психоанализу, сегодня мы переходим к «психологии высот», которая открывает нам путь к сверхразуму.

Гениальность – это лишь один из этапов того пути, который предстоит пройти человеку до полной реализации всех своих способностей. Известно, что в повседневной жизни мы не используем и десятой доли возможностей нашего внимания, памяти, интуиции. Таким образом, в основе идеи грядущей трансформации человечества, к которой мы не раз еще обратимся, лежит отнюдь не мистическая фантазия. Авторы уверены, что среди нас уже сегодня живут люди, которые пережили подобную трансформацию, – те, кто первыми сделали несколько шагов по тому пути, по которому однажды двинемся все мы.

Если бы до нашего времени дошли фрагменты тайных знаний древних цивилизаций о материи и энергии, то они неизбежно были бы выражены на языке символов, понятном лишь для немногих посвященных. Такие умы несомненно знают, что не имеет ни малейшего смысла выставлять напоказ свое могущество. Если бы Христофор Колумб был человеком подобного сорта, он сохранил бы в тайне свое открытие. Вынужденные к своего рода подпольному существованию, такие люди устанавливают контакты лишь с равными себе. Если они и образуют общество, то лишь в силу обстоятельств. Их особый язык зачастую обусловлен тем, что обсуждаемые понятия недоступны обычному человеческому пониманию (простой пример: «тайный язык» врачей, непонятный для больного).

Мы выбрали пример «Розы и Креста» 1622 года, потому что настоящие розенкрейцеры, в соответствии с традицией, проявляют себя не каким-то таинственным посвящением, но углубленным и систематическим изучением мира природы. Следовательно, традиция «Розы и Креста» немногим отличается от традиции современной науки. Сегодня мы начинаем понимать, что углубленное и осмысленное изучение Книги Природы требует большего, нежели то, что мы еще недавно называли «научным умом», и даже большего, нежели то, что мы называем интеллектом.

«И хотя многие ученые по-прежнему рассматривают свои работы как интеллектуальное соревнование, – писал Роберт Юнг, – некоторые молодые ученые-атомщики находят в своих исследованиях почти религиозное решение».

Политические преследования, социальное принуждение, развитие морального чувства и сознания ужасающей ответственности будут вынуждать ученых все в большей и в большей степени уходить в «подполье». Не следует думать, что ракетная техника и гигантские ускорители будут впредь неотъемлемым инструментом исследователя. Подлинно великие открытия всегда делались простыми средствами с помощью несложного оборудования.

Мы вступаем в эпоху, которая во многом напоминает начало XVII века, – эпоху, когда, быть может, уже готовится новый манифест 1622 года. Возможно, он уже даже издан, только мы этого не заметили.

Наконец, поразительны неоднократные заявления розенкрейцеров и алхимиков, будто цель науки превращений – это превращение самого ума. Речь идет не о магии, не о воздаянии свыше, но об открытии таких реалий, которые принуждают ум исследователя перейти в новое качество. Если мы задумаемся об ошеломляющей эволюции интеллекта крупнейших атомщиков, то начнем понимать, что же имели в виду розенкрейцеры. Мы живем в эпоху, когда наука на ее высшей ступени достигает мира духовных ценностей, преображая самого исследователя и поднимая его ум на более высокий уровень.

То, что происходит с нашими атомщиками, сравнимо с опытом, изложенным в алхимических текстах и традиции розенкрейцеров. Духовный язык – это отнюдь не лепет, предшествующий научному языку, но, скорее, его завершение. То, что происходит в наше время, могло происходить и в давние времена, на другом плане знания, так что легенда «Розы и Креста» и сегодняшняя действительность взаимно освещают друг друга. Нужно смотреть на древнее новыми глазами, – это помогает понять завтрашний день.

Уэллс умер обескураженным. Этот могучий ум жил верой в прогресс. Но на закате своей жизни Уэллс увидел, что так называемый прогресс принимает ужасающие направления. Наука рисковала разрушить мир, были изобретены самые великие средства уничтожения. «Человек, – сказал в 1945 г. старый, отчаявшийся Уэллс, – дошел до предела своих возможностей». В этот-то момент старый человек, который был гением научной фантастики, перестал быть современником будущего. Мы полагаем, что человек дошел до предела лишь одной из своих возможностей. Появятся новые перспективы. Вольфганг Паули, всемирно известный математик и физик, исповедовал в свое время узкую ученость в лучших традициях XIX века. В 1932 г. на Копенгагенском конгрессе он напоминал своим ледяным скептицизмом и властностью Мефистофеля, а в 1955 г. этот пронизательный ум неожиданно для многих увлекся идеей внутреннего спасения. Но это – не впадение в религиозный морализм. Речь идет о подлинно зрелом понимании перспектив развития самого духа наблюдения эволюции, типичной для многих крупных ученых.

Глава 4

Легенда о Девяти неизвестных

Во второй половине XIX века, на заре современной эпохи, существовала плеяда отчаянно реакционных мыслителей. В мистерии социального прогресса они видели обман; в научном и техническом прогрессе – гонку к пропасти. Меня познакомил с ними Филипп Левастен, новое воплощение героя «Неведомого шедевра» Бальзака и последователь Гурджиева. В то время, читая Рене Генона, пророка антипрогрессизма, и посещая Ланса де Васто, вернувшегося из Индии, я был близок к тому, чтобы из духа протеста примкнуть к идеям этих мыслителей. Происходило это в послевоенные годы. Эйнштейн только что отправил свою знаменитую телеграмму: «Наш мир перед лицом кризиса, еще не замеченного теми, кто обладает властью принимать великие решения во благо или во зло. Спущенная с цепи сила атома изменила все, кроме нашей привычки мыслить, и мы плывем по течению к грандиозной катастрофе. Мы, ученые, которые освободили эту необъятную силу, несем тяжелейшую ответственность в этой всемирной борьбе за жизнь или смерть, мы обязаны изучать атом во имя блага человечества, а не ради его уничтожения. Федерация американских ученых присоединяется ко мне в этом призыве. Мы просим вас поддержать наши усилия, чтобы заставить Америку почувствовать, что судьба человеческого рода решается сейчас, сегодня, в эту минуту. Нам срочно требуются двести тысяч долларов для финансирования национальной кампании, которая дала бы человечеству знать, что если оно хочет выжить и достигнуть более высокого уровня, нужен особый образ мышления. Этот призыв я направляю вам лишь после долгого размышления о необъятном кризисе, перед которым мы оказались. Прошу выслать чек на мое имя, председателю Чрезвычайного Комитета ученых-атомщиков, в Принстон, Нью-Джерси. Мы просим вашей помощи в этот роковой момент как знак того, что мы, люди науки, не одиноки».

Я подумал, что мои учителя предвидели эту катастрофу и что двести тысяч долларов здесь не помогут. Как говорил Блан де Сент-Бонне: «Человек – дитя препятствий», ибо Бог предложил человеческому духу препятствие в виде материи. Современники же, эмансипированные от принципов, захотели устранить это препятствие и, стремясь победить материю, подошли к вратам ада.

Две тысячи лет назад Ориген превосходно сказал, что «материя – поглотительница несправедливости». Но несправедливость нашего века давно уже перехлестывает через край, и никакой Чрезвычайный Комитет ее не впитает.

Древние, несомненно, были столь же глупы, как и мы, но их мудрость как раз и заключалась в том, что они знали об этом и потому сдерживали себя в определенных границах. Одна папская булла осуждает употребление треноги, предназначенной для укрепления лука: эта машина, увеличивающая естественные данные лучника, делает бой бесчеловечным. Булла соблюдалась на протяжении двухсот лет. Роланд Ронсельский, убитый толпами сарацинов, воскликнул: «Будь проклят трус, который изобрел оружие, способное убивать на расстоянии». Ближе к нашему времени, в 1775 г., французский инженер Дю Перрон представил молодому Людовику XVI «военный орган», приводимый в действие рукояткой, который выбрасывал одновременно 24 пули. Этот инструмент, прототип современных пулеметов, изобретатель сопроводил инструкцией. Но машина показалась королю и его министрам Мальзербу и Тюрго такой убийственной, что была отвергнута, и ее изобретателя сочли врагом человечества.

В неумном стремлении к эмансипации мы эмансипировали саму войну, которая прежде была инструментом защиты или нападения для некоторых, а теперь стала проклятием для всех.

В то время я мечтал опубликовать антологию «реакционных мыслителей», голоса которых были заглушены в их время хором романтических прогрессистов. Эти писатели, шедшие против течения, эти пророки Апокалипсиса, возопившие в пустыне, звались Бланк де Сент-

Боннэ, Эмиль Монтегю, Альбер Сорель, Донсо Кортес и др. В духе бунта, близкого к голосу предков, я сотворил памфлет под названием «Время убийц» совместно с Олдосом Хаксли и Альбером Камю. Американская пресса откликнулась на этот памфлет, где ученые, военные и политики подвергались сильным нападкам, и выражалось пожелание организовать Нюрнбергский процесс для всех, кто создает технику разрушения.

Сегодня я думаю, что все не так просто – повороты истории не случайны. Однако в беспокойное послевоенное время это течение мысли оставило сверкающий след в океане страхов, в который были погружены интеллигенты, не желавшие быть «ни жертвами, ни палачами». И правда, после телеграммы Эйнштейна дело только ухудшилось. «То, что есть в портфеле у ученых, ужасающе, – сказал Хрущев в 1960 г. – Они кончат тем, что все взорвут».

После яростной критики Олдоса Хаксли в «Контрапункте» и «Отважном новом мире» оптимизм в отношении науки был окончательно развеян. В 1951 г. американский химик Энтони Стэнден опубликовал книгу под названием «Наука – Священная Корова», где протестовал против превращения науки в фетиш. В октябре 1953 года знаменитый профессор права из Афин, О. Деспотопулос, адресовал ЮНЕСКО манифест, где требовал если не прекращения научного развития, то хотя бы его засекречивания. «Исследования, – предлагал он, – должны быть впредь доверены совету ученых, избранных во всех странах мира и обязанных хранить молчание». Эта идея, как бы утопична она ни была, не лишена интереса. Она описывает возможность будущего и, как мы видим сейчас, совпадает с одной из великих традиций ушедших цивилизаций. В другом письме, которое он адресовал нам в 1957 г., профессор Деспотопулос уточнил свою мысль: «Наука о природе – одно из наиболее достойных достижений в истории человечества. Но, высвобождая силы, способные уничтожить это человечество, с точки зрения морали она перестает быть тем, чем была прежде». Различие между «чистой наукой» и ее техническим применением сегодня настолько поразительно, что уже нельзя говорить о науке как о ценности в себе. Более того, в некоторых наиболее важных направлениях наука становится негативной ценностью в той мере, в какой она выходит из-под контроля совести и распространяет свое пагубное влияние по воле лиц, наделенных властью и несущих политическую ответственность.

Не исключено, что в других цивилизациях имело место не отсутствие науки, а ее засекречивание. Таково, как нам кажется, происхождение Легенды о Девяти неизвестных.

Традиция Девяти неизвестных восходит к императору Ашоке, который царствовал в Индии с 273 г. до н. э. Он был внуком Чандрагупти, первого объединителя Индии. Полный честолюбия, как его дед, труды которого он хотел продолжить, он предпринял завоевание страны Калинга, которая простиралась от нынешней Калькутты до Мадраса. Народ Калинги оказал сопротивление и потерял в битве ТЫСЯЧУ человек. Вид такого множества убитых потряс Ашоку, и ему открылся весь ужас войны. Он отказался от планов дальнейшего присоединения еще не подчинившихся ему стран, заявив, что подлинное завоевание состоит в том, чтобы объединить сердца людей законом долга и благочестия, потому что Богу угодно, чтобы все одушевленные существа жили в безопасности, мире и счастье, пользовались свободой располагать собой.

Обращенный в буддизм, Ашока примером собственной добродетели распространил эту религию по всей Индии и всей своей империи, которая протянулась до Малайзии, Цейлона и Индонезии. Затем буддизм распространился в Непале, Тибете, Китае и Монголии. Тем не менее Ашока уважал все религиозные секты. Он проповедовал вегетарианство, установил «сухой закон» и запретил жертвоприношения животных. В своей «Краткой всемирной истории» Г. Уэллс пишет: «Среди десятков тысяч имен монархов, сгрудившихся на страницах истории, имя Ашоки сверкает одинокой звездой».

Говорят, что, умудренный ужасами войны, царь Ашока решил навсегда запретить людям использование разума во зло. В его царствование была засекречена наука о природе, о прошлом

и будущем. Исследования, начиная от строения материи до техники коллективной психологии, с этого времени скрываются на протяжении двадцати двух веков за мистическим ликом народа, который весь мир считает не занимающимся более ничем, кроме экстаза и сверхъестественного. Ашока основал самое могущественное тайное общество на земле – общество Девяти неизвестных.

Говорят еще, что важнейшие лица, ответственные за судьбу современной Индии, и такие ученые, как Боз и Рам, верят в существование Девяти неизвестных и даже получают от них советы и послания. Лишь остается гадать о степени могущества тайн, обладателями которых могут быть девять человек, пользующихся непосредственно опытом, трудами, документами, собранными в течение двух десятков веков. Каковы цели этих людей? Вероятно – не допустить, чтобы средства уничтожения попали в руки профанов. Продолжить исследования, благодетельные для человечества.

Внешние проявления Девяти неизвестных редки. Одно из них связано с судьбой одного из самых таинственных людей Запада – папы Сильвестра II, известного также под именем Герберта из Орийака. Родившийся в Оверни в 920 г., умерший в 1002 г., Герберт был монахом-бенедиктинцем, преподавателем Реймского университета и папой милостию императора Оттона III. Он прожил некоторое время в Испании, потом таинственное путешествие привело его в Индию, где он почерпнул различные познания, изумившие его окружение. Так, в его дворце была бронзовая голова, которая отвечала «да» или «нет» на вопросы о политике и общем положении христианства. По словам Сильвестра II (том СХХХIX «Латинской патерологии» Миня), этот способ был очень прост и соответствовал двоичному исчислению. Речь идет об автомате, аналогичном нашим современным двоичным машинам. Эта «магическая голова» была уничтожена после его смерти, и знания, принесенные им, тщательно скрыты. Нет сомнений, что в Ватиканской библиотеке хранится немало сюрпризов для исследователей, которые, быть может, когда-нибудь получат возможность с ними ознакомиться.

Соприкасались ли другие европейцы с обществом Девяти неизвестных? Лишь в XIX веке этой тайны вновь коснулся в своих книгах французский писатель Луи Жаколио.

Жаколио был французским консулом в Калькутте при Второй империи. Он написал несколько научно-фантастических романов, сравнимых по масштабу мысли с произведениями Жюль Верна. Кроме того, он оставил после себя библиотеку редчайших книг, посвященных великим тайнам человечества. Но это исключительное собрание было растаскано по нитке множеством оккультистов. Совершенно забытый во Франции, он знаменит в России.

Жаколио категоричен: общество Девяти неизвестных – это реальность. И поразительно, что в связи с этим он упоминает о технике, совершенно невообразимой в 1860 г.: высвобождение энергии, стерилизация посредством излучения и психологическая война.

Иерзен, один из ближайших сподвижников Ру и Пастера, по-видимому, получил сообщение о биологических тайнах во время путешествия в Мадрас в 1890 г., и, следуя данным ему указаниям, создал сыворотку против чумы и холеры.

Впервые история Девяти неизвестных была обнародована в 1927 г. в книге Талбота Мэнди, который в течение 25 лет служил в английской полиции Индии. Его книга – это полуроман-полурасследование. Девять неизвестных используют символический язык. Каждый из них обладает Книгой, которая содержит подробное описание определенных наук и постоянно дополняется.

Первая из этих Книг посвящена технике пропаганды и психологической войне. «Из всех наук, – пишет Мэнди, – самая опасная – это наука о контроле над мыслями толпы, потому что она позволяет управлять всем миром». Следует отметить, что «Общая семантика» Коржибского датирована лишь 1937 г. и что нужно было дожидаться опыта последней мировой войны, чтобы на Западе начала выкристаллизовываться техника психологии языка, т. е. пропаганды. Первый американский колледж по изучению семантики был создан только в 1960 г. Франция

не знает ничего, кроме «Насилия толпы» Сержа Чахотина, влияние которого в кругах интеллигенции, близкой к политике, достаточно велико, хотя эта книга только поверхностно затрагивает проблему.

Вторая книга посвящена физиологии. В частности, в ней описаны способы, как убить человека одним прикосновением, смерть при этом происходит от изменения направления нервного тока. Говорят, что дзюдо родилось в результате «утечки» информации из этой книги.

Третья посвящена микробиологии, и в частности – защитным коллоидам.

Четвертая рассказывает о превращении металлов. Легенда гласит, что во времена нужды храмы и благотворительные религиозные организации получали из этого источника большое количество золота высочайшей пробы.

Пятая содержит учение обо всех средствах связи, земных и внеземных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.